

ВЛИЯНИЕ ПУБЛИЧНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ НА ВИНДИКАЦИЮ ИМУЩЕСТВА

Мурзин Дмитрий Витальевич

Доцент кафедры гражданского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), кандидат юридических наук, ORCID: 0000-0002-0384-4351, e-mail: agaety@mail.ru.

В статье рассматривается вопрос о возможности виндикации имущества, сведения о правообладателе которого считаются публично достоверными (например, сведения из государственных реестров прав на имущество). Доказывается, что полная публичная достоверность является следствием «неопровержимых» презумпций права собственности (иного абсолютного права). Закрепление в законе видимости права как его абсолютной характеристики означает введение «неопровержимой» презумпции владения как права собственности на движимую вещь (французская модель) или бесповоротности прав на недвижимость, зарегистрированных в государственном реестре (германская модель). Применение виндикации в этих случаях исключается. В российском правовом порядке отсутствует полная публичная достоверность и, соответственно, бесповоротность прав на имущество (в том числе на недвижимость). Именно это позволяет использовать виндикацию для защиты нарушенных прав собственника недвижимости. Слабая публичная достоверность служит основанием для применения виндикационной модели в отношении защиты абсолютного права на любое регистрируемое имущество (бездокументарные ценные бумаги, исключительные права, права на доменное имя и т. д.).

Ключевые слова: виндикация, недвижимость, публичная достоверность, абсолютное право, презумпция собственности

Для цитирования: Мурзин Д. В. Влияние публичной достоверности на виндикацию имущества // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 10–20. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_5_10.

THE IMPACT OF PUBLIC RELIABILITY ON PROPERTY VINDICATION

Murzin Dmitry

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-0384-4351, e-mail: agaety@mail.ru.

The article deals with the issue of the possibility of vindication of property, information about the rightsholder of which is considered publicly reliable (for example, information from the state registers of property rights). It is proved that full public reliability is a consequence of «irrefutable» presuppositions of property rights (other absolute rights). Fixing in the law the visibility of the right as its absolute characteristic means the introduction of an «irrefutable» presumption of ownership as the ownership right to a movable thing (the French model) or the irrevocability of rights to real estate registered in the state register (the German model). Vindication in these cases is excluded. In the Russian legal order, there is no complete public certainty and, accordingly, no irrevocability of rights to property (including real estate). This is what allows using vindication to protect the violated rights of the real estate owner. Weak public reliability serves as a basis for applying the vindication model to protect the absolute right to any registered property (undocumented securities, exclusive rights, domain name rights, etc.).

Key words: vindication, real estate, public reliability, absolute right, presumption of ownership

For citation: Murzin D. (2021) The impact of public reliability on property vindication. In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnaluu»*, no. 5, pp. 10–20, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_5_10.

«Неопровержимая» презумпция права собственности

Широко известным является положение ч. 1 ст. 2279 Французского гражданского кодекса (ФГК, Кодекс Наполеона): «В отношении движимых вещей владение вещью равнозначно правооснованию» («*En fait des meubles possession vaut titre*»). Лапидарность наполеоновского стиля постоянно заставляет искать термины, передающие всю многозначность этой фразы¹. Не случайно в ФГК вошла только краткая редакция процессуальной нормы французского права, гласящей (в переводе В. А. Удинцева): «Тот, кто владеет движимыми вещами, считается (*est reputé*) собственником; он не нуждается в каком-либо титуле, кроме владения»². Принято думать, что в ст. 2279 ФГК закреплена так называемая неопровержимая презумпция. И. Н. Трепицын расшифровывал эту формулу так: «Посредством овладения движимой вещью приобретается право собственности на нее, хотя бы отчуждатель и не имел этого права», с допущением виндикации вещей украденных и утерянных³.

«Неопровержимая» презумпция права собственности во французском праве имеет горячих поклонников. Так, У. Маттеи считает, что «владение движимым имуществом как недорогой и действенный способ передачи социально значимой информации должно быть поддержано авторитетом всей правовой системы... Общий принцип, содержащийся в знаменитой ст. 2279 Кодекса Наполеона (без учета исключений, установленных французским законодательством для частных случаев), по-видимому, является оптимальным вариантом урегулирования»⁴. Презумпция собственности в пользу владельца получила широкое распространение в зарубежном законодательстве (см., например, нормы § 1006 Германского гражданского уложения, ст. 119 кн. 3 Гражданского кодекса Нидерландов, ст. 928 Гражданского кодекса Квебека). В германском праве в начале XX в. сложилась «вотчинная система» (система государственной регистрации прав на недвижимость), в соответствии с которой собственником недвижимости считается лицо, внесенное в поземельные книги (государственный реестр). Фактически эта презумпция права собственности на недвижимость также является «неопровержимой».

Подобные презумпции выступают отражением теории «видимости» права и в момент своего возникновения в средневековом праве были в интересах стабильности оборота направлены на защиту добросовестного приобретателя имущества от неуправомоченного отчуждателя.

Недопустимость виндикации определенного имущества в западном праве

А. А. Симолин напрямую назвал формулу французского права «Владение равносильно правооснованию» принципом торгового права, направленным на защиту добросовестного владельца и тем самым на ограничение виндикации⁵. Более того, по об-

¹ Так, Г. Ф. Шершеневич, имея перед глазами русский перевод ст. 2279 Кодекса Наполеона, действовавшего на территории Царства Польского, сомневался в точной передаче ее смысла тогдашним переводом: «По отношению к движимостям владение равносильно (заменяет?) правооснованию» (*Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. С. 269*).

² Удинцев В. А. История обособления торгового права // Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 80.

³ Трепицын И. Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1907. С. 102. С. И. Раевич давал более детальное толкование: «Добросовестный владелец движимости считается собственником, если владение его является публичным (т. е. не скрытым) и не двусмысленным (non équivoqui)» (*Раевич С. И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789–1926: Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская Империя, Австрия, Германия, Швейцария. М., Л.: Гос. изд-во, 1929. С. 50–51*).

⁴ Маттеи У. Основные принципы права собственности // Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности. М.: Юристъ, 1999. С. 159.

⁵ Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 502.

щему мнению, выраженному в русской дореволюционной литературе, ст. 2279 ФГК подразумевает *принципиальную недопустимость виндикации движимых вещей*¹.

Анализируя презумпцию права собственности, К. П. Победоносцев полагал, что раз «предположение закона положительно сохраняет владение наличному владельцу, и для того, чтобы опровергнуть оное, надлежит доказать, что вещь не его, а *истцовая*», то этого «можно достигнуть только иском о собственности, а не о восстановлении нарушенного владения»². Судебной практикой того времени точка зрения К. П. Победоносцева была поддержана.

А. В. Венедиктов занимал позицию, сходную с позицией К. П. Победоносцева, отмечая, что в связи с нормой ст. 2279 ФГК «посессорный процесс по отношению к движимостям вообще отпал»³, и делая общий вывод, что в правовых системах, где преобладает право собственности владельца движимых вещей и торжествует публичная достоверность записей в реестрах прав на недвижимость, владельческая защита «в значительной мере утратила практическое значение»⁴.

Что касается недвижимости, то Редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения Российской империи, следуя за германским образцом, отмечала, что «виндикация ограничена в отношении недвижимых имуществ там, где существует вотчинная система... Иск о праве собственности невозможен в отношении недвижимого имущества, которое бесспорно приобретено владельцем по вотчинной книге»⁵. Тогда защита зарегистрированных прав на недвижимость сводится к спору о правомерности закрепления прав за конкретным лицом. Это, очевидно, требует разработки особых «исков о собственности» в отношении недвижимости (хотя бы, как в ГГУ, об исправлении записи в вотчинной книге), но следов таких исков в проекте Гражданского уложения не имеется⁶.

Е. А. Суханов, говоря об особенностях виндикационной защиты вещных прав на недвижимость, считает неудачным применение норм ст. 302 ГК РФ к виндикации недвижимости и указывает, что «споры об истребовании недвижимых вещей по существу должны сводиться к спорам о правильности соответствующих записей в ЕГРН, имеющих правоустанавливающее значение в силу публичной достоверности данного реестра»⁷. Одним из доводов в пользу невозможности виндикации недвижимости является то, что «ответчиком будет значиться лицо, которое записано в качестве собственника»⁸.

Представляется, что причины невозможности виндикации недвижимости в германской правовой системе аналогичны причинам невозможности виндикации движимых вещей во французской правовой системе: абсолютная публичная достоверность факта владения или записи в реестре, которая приводит к «неопровержимой» презумпции права собственности. Тем самым истец, требующий возврата господства над объектом, не может быть квалифицирован как собственник, что исключает и возможность виндикации. Если для недвижимости «внешним знаком наличия права становится не владение вещью, а запись в реестре»⁹, то именно эта видимость права,

¹ Удинцев В. А. Указ. соч. С. 238–239; Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. С. 269.

² Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 ч. Ч 1: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. С. 244–245; Его же. Судебное руководство. М.: Статут, 2004. С. 82.

³ Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность // Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2004. Т. 2. С. 341.

⁴ Там же. С. 355.

⁵ Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения: в 2 т. / сост. А. Л. Саатчиан, И. М. Тютрюмов. СПб.: Изд. кн. магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. С. 623.

⁶ В материалах к первым вариантам проекта Гражданского уложения Редакционная комиссия указывала, что споры о праве собственности на недвижимость, внесенную в вотчинную книгу, «превращаются вообще в споры о содержании вотчинной книги» (Бабаев А. Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. С. 113).

⁷ Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Богатырев Ф. О. Как дальше регулировать оборот недвижимости? // Хозяйство и право. 2003. № 11. С. 123.

⁹ Петров Е. Ю. К вопросу о применении абз. 2 п. 2 ст. 223 ГК РФ // Федеральный арбитражный суд Уральского округа: Практика. Комментарии. Обзоры. 2006. № 4. С. 62.

которая при абсолютной степени публичной достоверности влечет бесповоротность прав, и влияет на возможность виндикации вещи.

Таким образом, главная причина невозможности виндикации недвижимости – это бесспорность зарегистрированного права собственности на недвижимость (закрепленность прав в реестрах устраняет сомнения в принадлежности права собственности). Но, как представляется, в современной России позиция полного отрицания виндикации недвижимости не подкреплена последовательным применением принципа бесповоротности зарегистрированных в государственных реестрах прав.

Признание права вместо виндикации

С расширением круга объектов абсолютных прав (при том что такие новые объекты чаще всего являются нематериальным имуществом) обострилась проблема виндикации как частного случая защиты права собственности, направленного на возврат владения вещью. Невозможность применения категории «владение» к новым нематериальным объектам абсолютных прав привела в свое время к тому, что на иск о признании права стали возлагаться несвойственные ему функции возврата господства над бестелесным имуществом. Иск о признании права получил распространение в отношениях, связанных с государственной регистрацией прав на имущество, сильно различающееся по своим характеристикам: это недвижимость и доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), объекты патентного права и товарные знаки (а в последнее время – и токены как объекты абсолютных цифровых прав). При этом отличительной чертой решения по иску о признании является то, что оно не возлагает на ответчика обязанности по исполнению спорного правоотношения¹.

Следует понять, является ли иск о признании права в отношении регистрируемого имущества самостоятельным способом защиты нарушенных прав в виндикационном правоотношении. Здесь нужно различать несколько ситуаций.

1. *Подмена понятий.* Подмена в ходе научных дискуссий термина «виндикация» применительно к истребованию бестелесного регистрируемого имущества термином «признание права» привела к формированию мнения о том, что «конструкция иска о признании права... есть не более чем перелицованный на соответствующий лад виндикационный или кондикционный иск»². Тем самым иск о признании неизбежно трансформируется в иск о присуждении, а требование о признании права на имущество – в требование о возврате имущества даже в отношении бестелесного имущества. Подобная подмена понятий произошла при формулировании в законе способа защиты прав участника, лишившегося доли в уставном капитале. В соответствии с п. 17 ст. 21 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» таким способом является признание за участником права на утраченную долю в уставном капитале ООО с одновременным лишением права на данную долю фактического правообладателя.

Представляется очевидным, что способ защиты прав участника ООО, утратившего долю в уставном капитале общества, построен полностью по аналогии с правилами виндикации, закрепленными в ст. 301–302 ГК РФ, без упоминания категории владения. Наибольшей терминологической модификации подверглось собственно требование об отобрании имущества при виндикации движимых вещей: вместо истребования вещи у ответчика предусмотрено лишение его права на долю.

Показательно, что, конструируя чуть позднее такой способ защиты, как истребование бездокументарных ценных бумаг (которые сходны с долей в уставном капитале в том, что являются бестелесным имуществом, воплощают корпоративные права и относятся к регистрируемому имуществу), законодатель отказался от идеи подменить требование виндикационного характера иском о признании права.

Впрочем, принципиальной возможностью быть истребованным по виндикационной модели обладает, вероятно, только регистрируемое имущество. Связь государ-

¹ Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 77. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.076-084.

² Степанов Д. И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. М.: Статут, 2004. С. 14.

ственной регистрации перехода прав на долю в уставном капитале с виндикацией в настоящее время видится, по словам А. В. Егорова, в том, что «когда речь идет о правах, которые регистрируются, можно сказать, что тот, на кого право зарегистрировано, и является владельцем... Именно поэтому Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ в своей практике применил правила о виндикации к долям в обществе, поскольку они регистрируются и понятно, кто владелец»¹. Категория «владение» использована в данном контексте условно или в расширительном значении. Спор о приравнивании записи в государственном реестре (в системе учета прав) к владению только затрудняет выработку единого способа защиты нарушенных абсолютных прав. Скорее, регистрируемое имущество демонстрирует альтернативные владению способы установления господства над нематериальным имуществом.

Следует согласиться с мнением Д. В. Лоренца о том, что обладание долей в уставном капитале корпорации, бездокументарными ценными бумагами и исключительными (интеллектуальными) правами, которые не имеют овеществленной природы, «проявляется именно в наличии регистрационной записи, что влияет и на способы защиты прав на такие объекты, когда требования, по сути, связаны не с фактическим возвратом объекта, а с восстановлением реестровой записи, которая позволяет правообладателю вернуть юридический контроль над нематериальными имущественными объектами»².

Однако это наблюдение заставляет задуматься о том, что для регистрируемого имущества само изменение записи в системе учета правообладателей выступает способом перераспределения имущества. Требование, направленное на изменение записи в системе учета правообладателей, является иском о присуждении в большинстве случаев (и всегда – если речь идет о регистрируемом бестелесном имуществе). Такое требование не может быть квалифицировано как иск о признании (о констатации). В то же время требование об изменении записи о правообладателе не может быть разрешено без рассмотрения вопроса о материальном праве истца на спорное бестелесное имущество. Тем самым даже в тех случаях, когда для возврата господства правообладателя над имуществом достаточно «восстановления реестровой записи», требование о признании права является неперенным элементом способа (но не самостоятельным способом) защиты, целью которого выступает возврат противозаконно утраченного регистрируемого имущества.

2. *Признание права на регистрируемое имущество.* По наблюдению В. В. Витрянского, есть элементарное нарушение права собственности, «связанное с примитивным завладением чужим имуществом (его захватом)», – и в таком случае достаточными способами защиты являются виндикационный и негаторный иск – и есть нарушение права собственности, которое сопровождается юридическими действиями по оформлению права³. Соответственно, отмечается, что появление в современной России «такого способа защиты вещных прав, как признание права, прежде всего, связано с категорией недвижимости, поскольку в некоторых случаях споры о правах на недвижимое имущество сводятся к спорам о правильности регистрационной записи в ЕГРН, и защита вещных прав в таких случаях с помощью классических вещно-правовых исков оказывается неэффективной»⁴.

Думается, что моделирование рассмотренного способа возврата недвижимости посредством иска о признании права было первоначально обусловлено попыткой применения германской модели защиты нарушенных прав собственника недвижимости. Вытеснение иска о признании права виндикационным иском будет свидетельствовать о крайне слабом уровне публичной достоверности системы регистрации прав на недвижимость в России.

¹ Протокол № 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2018. № 21. С. 23.

² Лоренц Д. В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации // Российский судья. 2020. № 7. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

³ Витрянский В. В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // Гражданское право современной России / сост. О. М. Козырь и А. Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 19.

⁴ Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 121.

На примере с недвижимостью практика продемонстрировала двоякое значение иска о признании права: собственно иск о констатации, когда владение недвижимостью осуществляется истцом, и иск о признании права, неразрывно связанный с виндикационным иском, когда истец лишен владения недвижимостью. В данной конструкции отразилось понимание того, что господство над недвижимостью не ограничивается только правильной записью в реестре. Но в таком случае требование о возврате владения недвижимостью представляет собой виндикационное требование в чистом виде, непременно составляющей которого является требование о признании права.

Комплексное рассмотрение двух требований необходимо в связи с разным действием исковой давности: на иски о признании права исковая давность не распространяется, а для виндикационного требования существует общий срок исковой давности – три года¹.

Разрешение вопроса о признании права собственности напрямую зависит от того, возможно ли удовлетворение виндикационного иска. Изолированное признание права собственности за истцом, который лишен возможности истребовать свое имущество от ответчика-владельца, приведет к возникновению «голового» права (например, в ЕГРН будет зарегистрировано право собственности одного лица, а фактически правомочия по владению и пользованию объектом недвижимости будет осуществлять другое лицо, при этом распорядиться недвижимостью не сможет ни одно из них). Тем самым требование о признании права собственности подпадает под правовой режим виндикационного иска, в том числе в отношении сроков исковой давности: истечение срока исковой давности для виндикации влечет и отказ в признании права собственности². И наоборот, владельцу недвижимости, не внесенному в ЕГРН, но считающему себя собственником, достаточно предъявить иск о признании права собственности, на который не распространяется действие срока исковой давности. Следовательно, из-за особенностей сроков исковой давности в российской практике установлен приоритет фактического владения недвижимостью над записями о праве собственности в ЕГРН.

Думается, нет оснований выделять в таком виндикационном требовании автономный иск о признании права только потому, что понадобится совершить формальное действие по исправлению записи в реестре. Схожие формальности существуют в сфере истребования бездокументарных ценных бумаг (необходимость восстановления записей в системе учета прав акционеров и иных правообладателей), однако законодательство и судебная практика обходятся без нагромождения требований в защиту права: иск о возврате бездокументарных ценных бумаг признается достаточным для защиты нарушенных прав правообладателя (ст. 149.3 ГК РФ).

Если недвижимое имущество остается материальной вещью, в отношении которой мыслимо применять категорию «владение», то бестелесное регистрируемое имущество лишено этой привилегии. А. О. Рыбалов отмечает, что «спецификой виндикации является отображение материального объекта, осуществляемое после разрешения вопроса о титуле», в то время как при споре о неимущественных благах доказывание отсутствия имущественного права у ответчика является «единственной целью»³. Тем самым значение требования о признании права в отношении бестелесного регистрируемого имущества возрастает. Однако это требование даже при отсутствии физического перемещения блага не будет иском о констатации, поскольку изменение сведений в системе учета правообладателей автоматически повлечет лишение господства над имуществом одного субъекта (ответчика) и приобретение господства над имуществом другим субъектом (истцом).

Таким образом, защита правообладателя, который противоправно лишился регистрируемого имущества, строится по виндикационной модели, когда составляю-

¹ Пункт 57 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29 апреля 2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав».

² Пункт 5.1 Рекомендаций научно-консультативного совета при Федеральном арбитражном суде Уральского округа от 23–24 мая 2007 г. № 1/2007.

³ Рыбалов А. О. О новых попытках ревизии понятия права собственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 10. С. 162.

щими иска о присуждении являются требование о признании права на имущество и требование о восстановлении легитимации в качестве правообладателя. Результатом удовлетворения такого иска о присуждении регистрируемого имущества является возврат господства правообладателя над бестелесным имуществом.

В литературе высказано мнение об излишнем усложнении способа защиты нарушенных прав собственника недвижимости за счет необходимости предъявления иска о признании права собственности, поскольку выяснение вопроса принадлежности права уже входит в предмет доказывания по виндикационному иску¹. Следует отметить также, что при применении виндикации в отношении недвижимости в чистом виде вопрос о конкуренции сроков исковой давности не вставал бы. Отказ от распространения исковой давности на виндикационное требование о возврате владения должен привести к установлению только одного требования в рамках способа защиты нарушенных прав собственника на недвижимость, и в российских условиях это будет виндикационное требование.

Виндикационная модель и публичная достоверность (бесповоротность прав)

Выявленное расхождение легитимации собственника недвижимости (сведения из ЕГРН) и господства собственника над той же недвижимостью (фактическое владение) ставит перед отечественными исследователями задачу объяснения этого феномена.

Предложения о замене виндикации недвижимости иными способами защиты прав собственника, существующими в зарубежных правовых системах, являются «калькированием» чужого опыта без учета российских реалий. Так, Д. В. Лоренц, отстаивая «бинарный подход к пониманию владения объектом недвижимости», предлагает исключить виндикацию недвижимости, вместо чего «право собственности на недвижимость и „книжное“ владение восстанавливать посредством оспаривания записи в ЕГРН; препятствия к реальному обладанию недвижимым имуществом устранять посредством защиты фактического владения (владельческий иск, обращение в административные органы, самозащита)»².

К. П. Победоносцев как человек государственного ума понимал всю ответственность, связанную с государственной регистрацией, и в свое время задавался вопросом (при том что планировался только губернский уровень заведений, ведущих книги-реестры): где взять столько честных людей³? Менее эмоционально описывает проблему У. Маттеи: «Конечно, чем более приходится полагаться на государственную регистрацию, тем более разрушительным будет эффект коррупции и ненадлежащего ведения реестровых книг. Таким образом, воспроизведение германской модели, с ее в высшей степени надежным бюрократическим аппаратом, в государствах с экономикой переходного типа, таких как Россия или Венгрия, либо в странах с меньшей культурой организации, к каковым, например, принадлежит Италия, может стать отнюдь не легкой задачей»⁴.

Надо помнить об эффективности предлагаемых юридических конструкций. Как писала, Т. И. Илларионова, выявление эффективности гражданско-правовой нормы – это анализ нормы с позиции заложенных в нее возможностей достижения необходимого результата на базе полученных под ее воздействием социальных изменений⁵. Факт социальной реальности – низкая публичная достоверность государственных реестров (и тем более иных систем учета правообладателей) – не позволяет в российской действительности отказаться от виндикационной модели защиты нарушенных прав на регистрируемое имущество.

Точно так же следует оценивать возможности виндикационной модели применительно к такой категории, как «бесповоротность прав»⁶. Так, Д. В. Лоренц, обосновы-

¹ Латыпов Д. Н. Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // Журнал российского права. 2013. № 9. С. 65.

² Лоренц Д. В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации.

³ Победоносцев К. П. Курс гражданского права. Ч. 1. С. 313.

⁴ Маттеи У. Указ. соч. С. 153–154.

⁵ Илларионова Т. И. О категории эффективности гражданско-правовых норм // Илларионова Т. И. Избранные труды. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 36.

⁶ Краткое изложение сущности этой категории см.: Петров Е. Ю. Указ. соч. С. 61–63.

вая невозможность виндикации токена, в числе причин называет «свойство бесповоротности» системы блокчейн¹. Однако бесповоротность прав все же зависит от конструкции добросовестного приобретения имущества от неуправомоченного отчуждателя. Как поясняла Редакционная комиссия по составлению проекта Гражданского уложения на примере системы государственной регистрации прав на недвижимость, «лицо, добросовестно приобретшее имение, полагаясь на верность вотчинной книги, должно почитаться свободным от всяких притязаний на имение сторонних лиц. На этом основывается начало *бесповоротности* (курсив наш. – Д. М.) приобретаемых по вотчинной книге прав, имеющее своим последствием ограничение виндикации»². В таком понимании бесповоротность прав – это частный случай возникновения абсолютного права на имущество, приобретенного от неуправомоченного отчуждателя. Добросовестность приобретателя является ограничением виндикации для всякого имущества. Если же говорить о бесповоротности в том виде, в каком она закреплена в «системе Торренса», то ее применение позволяет только требовать компенсации убытков от лица, осуществляющего учет прав, но полностью исключает возврат господства над утраченным имуществом.

Необходимость введения в российское законодательство общей нормы о возникновении права у добросовестного приобретателя всякого объекта абсолютных прав (определенных видов токенов в том числе) давно назрела; такая норма позволит установить определенную степень бесповоротности прав на все регистрируемое нематериальное имущество. Но будет ли эта бесповоротность абсолютной?

Записи о правообладателях в реестрах (включая государственные реестры и иные системы учета прав) предназначены для создания видимости права и имеют в связи с этим двойственное значение.

Во-первых, записи о правообладателях в реестрах позволяют презюмировать осведомленность о фактах, отраженных в таких реестрах. По словам В. В. Чубарова, в России «юридическое содержание принципа публичной достоверности в полном объеме сводится к упрощенной, ориентированной во многом на объективные (а не на субъективные, как в ст. 302 ГК РФ) критерии защиты прав добросовестного приобретателя»³. А. В. Егоров утверждает, что единственный вариант обеспечить защиту добросовестного приобретателя имущественных прав – это создать видимость владения для объектов, в отношении которых ведутся государственные реестры⁴. Такое понимание функции реестров очень далеко от признания бесповоротности закрепленных в них прав. К тому же в литературе выражаются сомнения в том, что, например, «наличие регистрации на имя определенного лица в государственных реестрах прав на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации создает видимость права, достаточно достоверную, чтобы вводить презумпцию добросовестности лица, которое основывается при совершении сделки на данных этих реестров»⁵.

Во-вторых, записи в реестрах устанавливают презумпцию правообладания. Но степени неопровержимости такой презумпции могут отличаться в разных правопорядках. В российском правопорядке широко распространено понимание записи в государственном реестре и в негосударственных системах учета прав как аналога владения (иногда говорят о «юридическом владении» нематериальным объектом⁶). Показательно, что речь идет именно о владении, но не о собственности. Действительно, легитимация субъектов абсолютного права на нематериальное имущество играет ту же роль, что и владение для материальных движимых вещей: создает *презумпцию наличия права у легитимированного субъекта*, причем презумпцию опровержимую. Тогда как, согласно идеалистичной позиции, лицо, внесенное в систему учета прав,

¹ Лоренц Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // Российская юстиция. 2020. № 2. С. 60.

² Гражданское уложение. Проект... Т. 1. С. 763.

³ Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. С. 318.

⁴ Кольздорф М. А. Указ. соч. С. 22–23.

⁵ Новоселова Л. А. Защита добросовестного приобретателя исключительного права // Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 179.

⁶ Там же. С. 174–175.

является бесповоротным собственником (правообладателем) регистрируемого имущества.

Соответственно, отличаются и подходы к установлению возможности виндикации регистрируемого имущества (и бестелесность имущества отходит здесь на второй план). По словам Д. И. Степанова, «для тех, кто абсолютизирует значимость записи в книгах, юридическое бытие соответствующего объекта утрачивает самостоятельное значение, запись рассматривается альфой и омегой оборота ценных бумаг и недвижимости... Любые средства защиты в таком случае должны сводиться к оспариванию записей в книгах; если же записи в книгах бесповоротны, то любая запись по списанию объекта права равносильна лишению собственности»¹.

В российской правовой системе опровержимой является как презумпция владения в виде собственности в отношении движимых вещей, так и презумпция собственности (правообладания) в отношении регистрируемого имущества. Признание права допустимо при опровержимых презумпциях. Если во Франции презумпция права собственности владельца признается неопровержимой, это влечет невозможность виндикации движимых вещей. Если в Германии существует бесповоротность прав, внесенных в поземельные книги, виндикация недвижимости недопустима. Соответственно, и классическая виндикация в узком смысле, и виндикационная модель защиты абсолютного права возможны только при условии допущения опровержимости презумпции правообладания.

Представляется, что именно слабая публичная достоверность служит основанием для применения виндикационной модели. Отсутствие в российском правовом порядке полной публичной достоверности (и, соответственно, бесповоротности прав) позволяет использовать виндикационную модель для защиты нарушенных абсолютных прав независимо от того, какое имущество является объектом этих абсолютных прав – движимое или недвижимое, материальное или бестелесное.

Список литературы

Бабаев А. Б. Система вещных прав. М.: Волтерс Клувер, 2006. 390 с.

Богатырев Ф. О. Как дальше регулировать оборот недвижимости? // *Хозяйство и право*. 2003. № 11. С. 121–125.

Венедиктов А. В. Государственная социалистическая собственность // *Венедиктов А. В. Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. М.: Статут, 2004. Т. 2. С. 7–412.*

Витрянский В. В. Актуальные проблемы судебной защиты права собственности на недвижимость // *Гражданское право современной России / сост. О. М. Козырь и А. Л. Маковский. М.: Статут, 2008. С. 18–34.*

Гражданское уложение. Проект высочайше утвержденной Редакционной комиссии по составлению Гражданского уложения: в 2 т. / сост. А. Л. Саатчиан, И. М. Тютрюмов. СПб.: Изд. кн. магазина «Законоведение», 1910. Т. 1. 1228 с.

Илларионова Т. И. О категории эффективности гражданско-правовых норм // *Илларионова Т. И. Избранные труды*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. 298 с.

Латыпов Д. Н. Особенности признания права как способа защиты гражданских прав // *Журнал российского права*. 2013. № 9. С. 60–71.

Лоренц Д. В. Воля собственника на выбытие недвижимости из его владения: в контексте виндикации // *Российский судья*. 2020. № 7. С. 9–15. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-7-9-15.

Лоренц Д. В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты // *Российская юстиция*. 2020. № 2. С. 57–60.

Маттеи У. Основные принципы права собственности // *Маттеи У., Суханов Е. А. Основные положения права собственности*. М.: Юристъ, 1999. С. 19–297.

Новоселова Л. А. Защита добросовестного приобретателя исключительного права // *Гражданское право социального государства: сб. ст., посвященный 90-летию со дня рождения А. Л. Маковского (1930–2020) / отв. ред. В. В. Витрянский и Е. А. Суханов. М.: Статут, 2020. С. 169–184.*

Петров Е. Ю. К вопросу о применении абз. 2 п. 2 ст. 223 ГК РФ // *Федеральный арбитражный суд Уральского округа: Практика. Комментарии. Обзоры*. 2006. № 4. С. 61–65.

Победоносцев К. П. Курс гражданского права: в 3 ч. Ч. 1: Вотчинные права. М.: Статут, 2002. 800 с.

Победоносцев К. П. Судебное руководство. М.: Статут, 2004. 431 с.

Протокол № 19 заседания Научно-консультативного совета при Суде по интеллектуальным правам // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2018. № 21. С. 6–28.

¹ Степанов Д. И. Указ. соч. С. 31.

Раевич С. И. Гражданское право буржуазно-капиталистического мира в его историческом развитии. 1789–1926: Франция, Италия, Польша, Голландия, Румыния, Российская Империя, Австрия, Германия, Швейцария. М., Л.: Гос. изд-во, 1929. 307 с.

Рыбалов А. О. О новых попытках ревизии понятия права собственности // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2005. № 10. С. 151–163.

Симолин А. А. Слияние торгового права с гражданским с точки зрения политики права // Симолин А. А. Возмездность, безвозмездность, смешанные договоры и иные теоретические проблемы гражданского права. М.: Статут, 2005. С. 487–504.

Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты вещных прав // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 3. С. 120–127. DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.120-127.

Старовойтова А. С. Признание права как способ защиты обязательственных прав // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 2. С. 76–84. DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.076-084.

Степанов Д. И. Защита прав владельца ценных бумаг, учитываемых записью на счете. М.: Статут, 2004. 128 с.

Суханов Е. А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

Трепицын И. Н. Приобретение движимостей в собственность от лиц, не имеющих права на их отчуждение. Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1907. 552 с.

Удинцев В. А. История обособления торгового права // Удинцев В. А. Избранные труды по торговому и гражданскому праву. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003. С. 30–284.

Чубаров В. В. Проблемы правового регулирования недвижимости. М.: Статут, 2006. 336 с.

Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права: в 2 т. М.: Статут, 2005. Т. 1. 461 с.

References

Babaev A. B. (2006) *Sistema veshchnykh prav* [The system of property rights]. Moscow, Volters Kluver, 390 p.

Bogatyrev F. O. (2003) *Kak dal'she regulirovat' oborot nedvizhimosti?* [How to further regulate the turnover of real estate?] In *Khozyaistvo i pravo*, no. 11, pp. 121–125.

Chubarov V. V. (2006) *Problemy pravovogo regulirovaniya nedvizhimosti* [Problems of legal regulation of real estate]. Moscow, Statut, 336 p.

Illarionova T. I. (2005) *O kategorii effektivnosti grazhdansko-pravovykh norm* [On the category of effectiveness of civil law norms]. In Illarionova T. I. *Izbrannye trudy*. Yekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 298 p.

Latypov D. N. (2013) *Osobennosti priznaniya prava kak sposoba zashchity grazhdanskikh prav* [Features of recognition of a right as a civil rights remedy]. In *Zhurnal rossiiskogo prava*, no. 9, pp. 60–71.

Lorents D. V. (2020) *Tsifrovye prava v sfere nedvizhimosti: yuridicheskaya priroda i sposoby zashchity* [Digital rights in real estate: legal nature and methods of protection]. In *Rossiiskaya yustitsiya*, no. 2, pp. 57–60.

Lorents D. V. (2020) *Volya sobstvennika na vybytie nedvizhimosti iz ego vladeniya: v kontekste vindikatsii* [The owner's will to withdraw real estate from possession: within the framework of vindication]. In *Rossiiskii sud'ya*, no. 7, 9–15. DOI: 10.18572/1812-3791-2020-7-9-15.

Mattei U. (1999) *Osnovnye printsipy prava sobstvennosti* [Basic principles of ownership]. In Mattei U., Sukhanov E. A. *Osnovnye polozheniya prava sobstvennosti*. Moscow, Yurist, pp. 19–297.

Novoselova L. A. (2020) *Zashchita dobrosovestnogo priobretatelya isklyuchitel'nogo prava* [Protection of a bona fide acquirer of an exclusive right]. In Vitryanskii V. V., Sukhanov E. A. (Eds.) *Grazhdanskoe pravo sotsial'nogo gosudarstva: collection of articles dedicated to the 90th anniversary of the birth of A. L. Makovsky (1930–2020)*. Moscow, Statut, pp. 169–184.

Petrov E. Yu. (2006) *K voprosu o primenenii abz. 2 p. 2 st. 223 GK RF* [On the application of subparagraph 2 of paragraph 2 of article 223 of the Civil Code of the Russian Federation]. In *Federal'nyi arbitrazhnyi sud Ural'skogo okruga: Praktika. Kommentarii. Obzory*, no. 4, pp. 61–65.

Pobedonostsev K. P. (2002) *Kurs grazhdanskogo prava: in 3 parts. Part 1: Votchinnye prava* [Civil law course: in 3 parts. Part 1: Patrimonial rights]. Moscow, Statut, 800 p.

Pobedonostsev K. P. (2004) *Sudebnoe rukovodstvo* [Judicial guidance]. Moscow, Statut, 431 p.

Protokol № 19 zasedaniya Nauchno-konsul'tativnogo soveta pri Sude po intellektual'nym pravam (2018) [Minutes No. 19 of the meeting of the Scientific Advisory Council of the Intellectual Property Rights Court]. In *Zhurnal Suda po intellektual'nym pravam*, no. 21, pp. 6–28.

Raevich S. I. (1929) *Grazhdanskoe pravo burzhuzno-kapitalisticheskogo mira v ego istoricheskom razvitii. 1789–1926: Frantsiya, Italiya, Pol'sha, Gollandiya, Rumyniya, Rossiiskaya Imperiya, Avstriya, Germaniya, Shveitsariya* [Civil law of the bourgeois-capitalist world in its historical development. 1789–1926: France, Italy, Poland, Holland, Romania, Russian Empire, Austria, Germany, Switzerland]. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 307 p.

Rybalov A. O. (2005) *O novykh popytках revizii ponyatiya prava sobstvennosti* [About new attempts to revise the concept of property rights]. In *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF*, no. 10, pp. 151–163.

Saatchian A. L., Tyutryumov I. M. (Eds.) (1910) *Grazhdanskoe ulozhenie. Proekt vysochaishe uchrezhdennoi Redaktsionnoi komissii po sostavleniyu Grazhdanskogo ulozheniya* [The Civil Code. Draft of the Editorial Commission for the Drafting of the Civil Code]: in 2 vols. Saint Petersburg, Izdanie knizhnogo magazina «Zakonovedenie», vol. 1, 1228 p.

Shershenevich G. F. (2005) *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava* [Textbook of Russian civil law]: in 2 vols. Moscow, Statut, vol. 1, 461 p.

Simolin A. A. (2005) Sliyanie torgovogo prava s grazhdanskim s tochki zreniya politiki prava [Merging commercial law with civil law in terms of legal policy]. In Simolin A. A. *Vozmezdnost', bezvozmezdnost', smeshannyye dogovory i inye teoreticheskie problemy grazhdanskogo prava*. Moscow, Statut, pp. 487–504.

Starovoitova A. S. (2018) Priznanie prava kak sposob zashchity veshchnykh prav [Recognition of right as a way to protect right in things]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 3, pp. 120–127, DOI: 10.17803/1994-1471.2018.88.3.

Starovoitova A. S. (2019) Priznanie prava kak sposob zashchity obyazatel'stvennykh prav [Recognition of right as a way to protect liability rights]. In *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava*, no. 2, pp. 76–84, DOI: 10.17803/1994-1471.2019.99.2.076-084.

Stepanov D. I. (2004) *Zashchita prav vladel'tsa tsennykh bumag, uchityvaemykh zapis'yu na schete* [Protection of the rights of the owner of securities accounted for by the account entry]. Moscow, Statut, 128 p.

Sukhanov E. A. (2017) *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Property law: a scientific and educational essay]. Moscow, Statut, 560 p.

Trepitsyn I. N. (1907) *Priobretenie dvizhimostei v sobstvennost' ot lits, ne imeyushchikh prava na ikh otchuzhdenie* [Acquisition of movable property from persons who do not have the right to alienate them]. Varshava, Tipografiya Varshavskogo uchebnogo okruga, 552 p.

Udintsev V. A. (2003) Istoriya obosobleniya torgovogo prava [History of the separation of commercial law]. In Udintsev V. A. *Izbrannyye trudy po torgovomu i grazhdanskomu pravu*. Moscow, AO «Tsentr YurInfoR», pp. 30–284.

Venediktov A. V. (2004) Gosudarstvennaya sotsialisticheskaya sobstvennost' [State socialist property]. In Venediktov A. V. *Izbrannyye trudy po grazhdanskomu pravu: in 2 vols*. Moscow, Statut, vol. 2, pp. 7–412.

Vitryanskii V. V. (2008) Aktual'nye problemy sudebnoi zashchity prava sobstvennosti na nedvizhimost' [Topical problems of judicial protection of property rights to real estate]. In Kozyr' O. M., Makovskii A. L. (Eds.) *Grazhdanskoe pravo sovremennoi Rossii*. Moscow, Statut, pp. 18–34.